

графическими соответствиями (скажем, для арабских букв «син» и «сад» соответственно с и С), а также введение диакритик и небуквенных обозначений. Это позволит однозначно представить буквенный состав арабографического текста, что для целей последующей транскрипции и лингвистического анализа имеет важное значение. С другой стороны, это предотвратит осовременивание текста, что нередко наблюдается в изданиях памятников.

Некоторые детали работы вызывают сомнение. Так, для возникновения η , очевидно, следует допустить разные возможности. Если исторически он, по-видимому, возник из сочетания $n + \varepsilon // n + \varepsilon$, то возможен и вторичный процесс: $n < \eta$. Примеры, приводимые автором на с. 190 для доказательства $\eta < n$ (генитив местоимений в диалектах типа *анын* «его»), думается, иллюстрируют вторичный процесс (ср. то же в огузских памятниках). Вызывает сомнение булгарская атрибуция конструкции *-асы кыл-* «хочется ч.л. сделать». Общежуркская синтаксическая модель в части глагольного имени имеет здесь огузо-кыпчакскую форму.

Передача деширчайного-л в среднетюркских текстах через арабское «ба» получается неясное толкование «исторического чередования» (с. 177).

В целом работу Т. М. Гаринова следует оценить как определенный этап в развитии кыпчакведения и шире — в историко-сопоставительной области тюркологических исследований. Ее несомненными достоинствами являются четкие критерии отбора фактической базы исследования, диалектный материал как главная опора диахронических выводов, плодотворное приложение идей и методов современного языкознания, комплексное использование принципов сравнительно-исторического, структурного и ареального исследования, разумная осторожность в отношении к реконструкциям предшествующих состояний изучаемых языков.

Работа Т. М. Гаринова несомненно является полезным вкладом в развитие сравнительно-исторических и сравнительно-сопоставительных исследований в тюркологии.

Грунина Э. А.

Андронов М. С. Сравнительная грамматика дравидийских языков. — М.: Наука, 1978. 466 с.

Рецензируемая книга по сути подводит итог многолетним усилиям автора в области сравнительного изучения дравидийских языков (ДЯ). Монография состоит из Введения и двух основных частей — «Фонетики» и «Морфологии», подразделяющихся на 19 глав; она снабжена обширной библиографией. В первой части подробно характеризуются звуки, их эволюция, показываются закономерные соответствия и приводятся реконструкции на уровне промежуточных праязыков и общедравидийского состояния. Во второй части рассматриваются формы словозменения: приводится полный инвентарь форм, встречающихся в привлеченных для исследования ДЯ, исследуются их история и этимология. На протодравидийском уровне реконструируются формы числа, падежные суффиксы, числительные, местоимения, показатели лица, времени, наклонения, дееспричастий, причастий, инфинитива и проч. В книге отражены новейшие дравидологические исследования, включая рукописи диссертаций, защищенных в университетах Индии, препринты неопубликованных работ. В качестве фактического материала в разной степени привлекаются факты всех 25 ДЯ, известных дравидологической науке в настоящее время¹. По охвату ДЯ и глубине трактовки языковых фактов, а также ос-

новательности выводов настоящая монография, несомненно, превосходит предшествующие аналогичные исследования по сравнительной дравидологии.

Во Введении этимологизируется само наименование «дравидийские языки» [см. также 1] и приводится краткая социолингвистическая характеристика каждого языка этой семьи, в особенности литературных — тамильского, малаяльского, каннада и телугу, на которых в общей сложности говорит около 120 млн. человек преимущественно в Южной Индии. Взаимодействие и взаимоотношения отдельных ДЯ в процессе эволюции дравидийской языковой общности представлены в виде генеалогического древа; ход исторического расселения дравидов и распространения ДЯ по территории Индийского субконтинента иллюстрируется оригинальной картой-схемой. Здесь же в окончательном виде представлена и выработанная М. С. Андроновым генетическая классификация ДЯ.

Во Введении автор отдает должное основоположнику сравнительного изучения ДЯ Р. Кольдуэллу, опубликовавшему свою «Сравнительную грамматику» еще в 1856 г., после чего она неоднократно переиздавалась [2]. С этого времени сравнительное изучение ДЯ насчитывает уже 125 лет. Но при всем уважении к этому классическому труду, оказавшему

кодагу, куруба, корага, беллари, тулу, колами, найки, парджи, гадаба, гонди, конда, пенго, манда, куи, куви, курух, малто и брауи.

¹ В монографии используются факты следующих ДЯ: тамильского (далее — там.), малаяльского (Мал.), каннада (канн.), телугу (тел.), курру, тода, ката,

огромное влияние на развитие дравидологии, необходимо признать, что он уже давно устарел и в настоящее время представляет лишь исторический интерес. За годы, прошедшие с момента выхода в свет 3-го издания книги Колдуэлла (1913 г.) — последнего, подвергнувшегося дополнению и исправлению, — в дравидологии накопился значительный новый материал, в изучении которого достигнуты большие успехи. Достаточно сказать, что если Колдуэлл в основном оперировал данными лишь четырех литературных ДЯ, изредка привлекая сведения из еще пяти бесписьменных, то ныне дравидологам известны 25 языков этой семьи с их многочисленными территориальными и социальными диалектами.

В рецензируемой книге отмечаются дравидологические труды С. Конова, Ж. Блока, Л. В. Рамасами Айяра, Т. Барроу, М. Б. Эмено и др. Большой по объему и разнообразный по характеру новый материал только последних 15—20 лет уже не мог быть осмыслен в рамках сформулированных Колдуэллом представлений и должен был быть исследован на уровне современных требований и достижений науки о языке. Среди наиболее значительных успехов дравидологии — «Дравидийский этимологический словарь» (1961—1968) Барроу и Эмено [3], «Очерк сравнительной фонологии дравидийских языков» Эмено [4], сравнительные работы по морфологии С. В. Шанмугама [5], П. С. Субрахманьяма [6], Б. Кришнамурти [7] и некот. др.

Автор отмечает, что проблематика данной книги ограничена вопросами сравнительной фонетики и сравнительной морфологии (словоизменения) в их современном состоянии и что он опирается на компаративистскую, а не на структуралистскую трактовку основного философского вопроса языкознания, т. е. признает первичными реализации конструкций, а не сами конструкты, которые он полагает вторичными, либо же вообще нерелевантными для целей его исследования. «Реконструкции, не опирающиеся на компаративистскую трактовку языковых единиц, нередко приводят к далеким от истины результатам и какого-либо интереса для сравнительной грамматики дравидийских языков представлять не могут» (с. 13). М. С. Андронов тщательно отграничивает опровергнутые и заведомо неточные данные, фантастические реконструкции и надуманные проблемы от представляющих ему верными и реальными. Собранный им материал «представлен лишь вполне надежными и проверенными фактами, наиболее убедительными и вероятными реконструкциями, актуальными для современного состояния науки проблемами и взглядами» (с. 14).

Раздел «Фонетика» (с. 15—165) открывается описанием «гласных фонем», подразделяющихся автором на «чистые» (закрытые, средние и открытые) и «на-

зализованные», и гласных фонем ДЯ. «Согласные фонем» (с. 50—82) делятся на «шумные» и «соанты». «Фонемные поля» (под ними автор понимает совокупность фонем, входящих в данную фонему) гласных и согласных представлены в заштрихованном виде (с. 43—49, 73—81). «Сравнительное рассмотрение всех засвидетельствованных фонем хотя и может представляться желательным, на данном этапе...» — отмечается в книге, — «вряд ли осуществимо практически» (с. 82).

Ставя задачей рецензии отметить все новое, оригинальное в «Сравнительной грамматике» М. С. Андропова, обратим здесь внимание на подробнейший анализ артикуляции и позиционного распределения фонем всех ДЯ, что позволило разработать основу для сравнения фонем и фонем отдельных ДЯ между собой. В главе, посвященной историческому развитию звуков (с. 83—110), впервые в наиболее полном виде дана эволюция звуков отдельных литературных ДЯ. При описании звуковых соответствий (с. 111—154) они даются на уровне фонем, за основу сравнения которых принята теоретико-множественная сумма фонем ДЯ. Такой подход позволяет автору дать представление о реально существующих звуковых соответствиях, тогда как при практиковавшемся ранее рассмотрении на уровне фонем (а нередко и графем!) действительные соответствия часто не регистрировались, и, напротив, отмечались мнимые. Сформулировано важное положение о совпадении (хронологическом) ассимилятивного расширения корневых $*i/*u > *e/*o$ под влиянием последующего $*-a-$ (в тел., канн., разг. там. и разг. мал.) с обратным чередованием $*el/*o > *i/*u$ в том же положении (вследствие гиперкоррекции) в лит. там. и лит. мал. (с. 114—117). При этом отмечено, что исследование звуковых соответствий в сравнительной фонетике ДЯ еще только начинается, и пока можно с уверенностью судить лишь об «основных типах» таких соответствий. Со звуковыми соответствиями тесно связаны и морфофонематические процессы, которые значительно уточнены и систематизированы в этой монографии (с. 154—165).

Раздел «Морфология» (с. 166—447) разбит на главы, соответствующие выделяемым автором классам слов ДЯ. В основу этой классификации положен набор формальных грамматических категорий, а также их изменимость. Во всех ДЯ представлены существительные, числительные, местоимения, глаголы, частицы и междометия. У существительных рассмотрены изменяемые грамматические категории падежа и числа и неизменяемая лексико-грамматическая категория рода, свойственная всем изменяемым частям речи. Однако, если у глаголов она имеет явно выраженный грамматический характер, то у имен «значение рода абстрагировано от их лексического значения... абстрактное значение рода грамматиче-

ски выражается лишь согласованием родовых форм имени и глагола...» (с. 169). Большинство падежных суффиксов, как показано здесь, развилось из реконструируемых местоименных указательных слов **al/*an/*am* «то место», **il/*in/*im* «это место», выполнявших функцию послелогов с адвербиальным значением. Здесь же разработана этимология падежных показателей (с. 191—229). Большой интерес представляет разработка этимологии дравидийских числительных: **on/*or* «один» (< **ol* «становиться единым»), **nāl* «четыре» (первоначально «несколько»), **cau/*cey* «пять» (< **kau* «рука»), **car* «шесть» (< **cāl* «быть больше, превосходить»), **en* «восемь» (< «число», «считать»), **pan* «десять» (< **pan/*pal* «много», «много»), **tāl* «девять» (< «неполное количество», «неполное много») (с. 238—249). Подробно описаны личные местоимения ДЯ в современной и реконструированной формах; особо рассмотрены некоторые особенности склонения местоимений в сравнении с прочими именами. Заслугой автора следует признать реконструкцию основ указательных местоимений (с. 268—269). Убедительно показана также несостоятельность теории Б. Кришнамурти о происхождении инклюзивного местоимения «мы» (с. 255). М. С. Андронов выделил и тщательно описал типично дравидийский класс «личных имен», весьма разнообразных по форме и функциям, и рассмотрел их историческую эволюцию в ДЯ (с. 283—285).

Дравидийский глагол (с. 289—434) различает категории позитивности/негативности, а также наклонения, времени, лица, числа, рода и падежа. В отдельной главе излагается эволюция многочисленных глагольных форм и история их изучения. В глагоде ярче всего проявляются черты специфически дравидийской агглютинации.

В рецензируемой книге выделены и проанализированы в сравнительном аспекте глагольные основы ДЯ (с. 290—295), реконструирована первоначальная система времен (прошедшее и непршедшее), показано, как в основном в результате стяжения глагольных перифраз развились все прочие времена (с. 301—345) и наклонения (364—379). Впервые здесь продемонстрировано развитие негативных форм дравидийского глагола, сложившихся на базе отрицательной формы на *-ā* (с. 400—434). К величным положительным формам ДЯ относятся причастия, деепричастия, условные деепричастия, инфинитивы, суиные, причастные и глагольные имена. Последние «представляют собой величные формы глагола со значением имени действия» (с. 397). Они являются равноправными формами глагола, в отличие от отглагольных существительных, употребляющихся как имена. В составе отрицательных глагольных форм ДЯ подробно проанализированы формы изъявительного,

а также повелительного, желательного и некое др. косвенных наклонений².

В спорном вопросе о прилагательных ДЯ автор убедительно показывает ошибочность утверждений как Ж. Блока (отрицавшего наличие прилагательных в ДЯ), так и Т. Барроу и А. Мастера (считавших их исконными). Он доказывает, что они исторически развились из слов других классов.

Вместе с тем в работе не представлены в систематическом виде различные способы дравидийского словообразования, характерные для разных классов слов, и его соотношение со словоизменением в ДЯ. Для целей данного исследования полезно было бы показать структурно-семантическое взаимоотношение корня и основы, основы и слова в ДЯ, основные словообразовательные модели.

В целом структура работы удобна и экономна при такой обильной информативности; она будет полезна для сравнительно-сопоставительных студий и исследований по общему языковедению. Отмечая отдельные открытия и находки, которыми так богата эта книга, следует со всей определенностью заявить, что она является выдающимся событием в индологии. В ней подытжены и критически осмыслены все успехи индологического языкознания в данной области, описываемые формы точно идентифицированы. Здесь, пожалуй, впервые достигнуто однозначное соответствие принятых наименований значению форм и категорий и тем самым получена единая основа для сравнения последних между собой. В монографии проводится четкое различие между установленными фактами и реконструкциями и построениями, несущими предвзятый, гипотетический характер. Эта ее черта позволяет читателю уверенно судить о том, что уже сделано в современной дравидологии, что успешно изучается, а что остается пока неясным. Многие факты, использованные здесь, собраны автором во время полевых обследований в Южной Индии. В частности, именно личные наблюдения над функционированием живых ДЯ в местах их наибольшего распространения в индийских штатах Тамилнад, Керала, Карнатака и Андхра Прадеш позволили автору выявить многие особенности народно-разговорного языка современных дравидов. Результатом этого явились несколько десятков важных работ Андропова — монографий, грамматик, словарей различных ДЯ, многие из которых переведены на английский и некое ДЯ, издаваемые в Индии и давно используются в учебном процессе в Советском Союзе и Республике Индия.

С рецензируемой обобщающей работой тесно связана его книга «Дравидий-

² Некоторые вопросы морфологии имени и глагола ДЯ, обобщенные в «Сравнительной грамматике», были детально рассмотрены в серии статей М. С. Андропова, опубликованных в 70-е годы.

ские языки» (1965), первый на русском языке краткий очерк ДЯ. На современном уровне систематизированное описание ДЯ, выполненное им, содержится также в книге «Языки Азии и Африки. Индоевропейские языки. Дравидийские языки», представляющей второй том известного справочника «Языки Азии и Африки» (1978), где в лапидарной форме приводится типологическая характеристика этих языков по всем грамматическим аспектам в их историческом развитии и современном состоянии. При этом следует подчеркнуть, что, несмотря на специальный, справочный характер последнего издания, это описание ДЯ отнюдь не компилятивно, а в значительной степени по-новому осмысляет собранный богатый материал. Оно подготовлено на основе публиковавшихся им прежде очерков различных ДЯ в серии «Языки народов Азии и Африки».

В рецензируемой книге органически сочетаются достижения предшествующих авторов (всегда отмеченные во внутритекстовых примечаниях) с разработками автора настоящей монографии. Среди последних важно отметить очерк истории развития отрицательных форм глагола, очерки истории дравидийской надежной системы, этимологические разыскания в области числительных и местоимений, реконструкцию исторического развития многих глагольных форм ДЯ. (В этой связи интересно указать на типологическое сходство реконструируемой в этой работе протодравидийской системы именного словоизменения с аналогичными системами хинди и некоторых дру-

гих современных индоарийских языков, что может послужить еще одним аргументом в пользу теории о влиянии ДЯ на направление развития индоарийских языков современного Индийского Союза.) «Сравнительная грамматика» М. С. Андропова, несомненно, будет способствовать дальнейшему углублению и расширению разносторонних исследований в области дравидийского языкознания и индологии в целом как в нашей стране, так и за рубежом.

Макаренко В. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андронов М. С. К этимологии слова *tamiz* «тамильский язык». — В кн.: Индийское языкознание. М., 1978.
2. Caldwell R. A. *Comparative grammar of the Dravidian or South-Indian family of languages*. London, 1856; 2-nd ed., London, 1875; 3-rd ed., London, 1913.
3. Burrow T. and Emeneau M. B. *A Dravidian etymological dictionary*. Oxford, 1961; Suppl., Oxford, 1968.
4. Emeneau M. B. *A sketch of Dravidian comparative phonology*. Annamalai-nagar, 1965; 2-nd ed., 1970.
5. Shanmugam S. V. *Dravidian nouns (a comparative study)*. Annamalai-nagar, 1971.
6. Subrahmanyam P. S. *Dravidian verb morphology*. Annamalai-nagar, 1971.
7. Krishnamurti Bh. *Telugu verbal bases. A descriptive and comparative study*. Berkeley and Los Angeles, 1961.

Ergativity. Towards a theory of grammatical relations. Ed. by Plank F. — London — New York — Toronto — Sydney — San Francisco: Academic Press, 1979. 569 p.

Рецензируемый сборник является красноречивым свидетельством возросшего интереса к проблемам эргативности как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. Важность исследования этих вопросов не подлежит сомнению. До сих пор существуют противоречия между двумя основными направлениями в разработке проблемы: функциональным подходом (особенно характерным для советских исследователей) с внимательным анализом содержательного аспекта эргативности, с одной стороны, и подходом, допускающим существенные уступки лингвистическому формализму. Исследования по данной проблематике в настоящее время поднялись на качественно новый уровень, чему способствовало, на наш взгляд, несколько обстоятельств. Прежде всего, значительно расширился круг языков, вовлекаемых в орбиту типологических штудий и, соответственно, увеличились возможности для выявления существующих в рамках эргативной

структуры закономерностей. Кстати, именно описание механизма эргативности в конкретных языках составляет основной предмет большинства статей сборника¹. Таковы, например, статьи А. Е. Кибрика «Каноническая эргативность в дагестанские языки», в которой дается краткий очерк средств выражения субъектно-объектных отношений в арчинском языке, близком, как указывается в статье, кatalogу эргативности; Г. Штайнера «Непереходно-пассивная концепция глагола в языках древнего Ближнего Востока», где предлагается типологическая классификация хаттского, хурритского, урартского, шумерского и элам-

¹ Сборник включает следующие разделы: 1. Введение, 2. Функция и форма субъектно-объектных отношений, 3. Эргативность и залог, 4. Степени эргативности, 5. Типологические корреляты эргативности, 6. Эргативность в изменении языка.